И. С. ЧИЧУРОВ

ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВИЗАНТИИ КОНЦА IX в. (место «Поучительных глав» Василия I в истории жанра)

Попытка выявить элементы развития в столь консервативной сфере византийской идеологии, как представления о государственной власти, казалось бы, заранее обречена на неудачу. Едва ли кто решится, например, оспаривать общепринятость концепции божественного происхождения императорской власти на всем протяжении византийской истории. Возведение к общим источникам (позднеантичным трактатам) отдельных положений византийских «княжеских зеркал» как прием их характеристики и по сей день остается общим местом даже в лучших из современных византиноведческих изданий¹. Обращение таких знатоков византийской культуры, как Г.-Г. Бек и Г. Хунгер, к политической мысли империи ограничивается описанием общевизантийского феномена², которое само по себе создает иллюзию неизменности. Но эта неизменность представляется нам лишь кажущейся, она вызвана, мы полагаем, направленностью поиска, определяемой молчаливой презумпцией континуитета и стабильности византийской идеологии. Как правило, внимание исследователей концентрируется на определении общих истоков для разных памятников политической мысли и редко — на прослеживании особенного. Попробуем сосредоточиться именно на различиях между отдельными памятниками жанра, называемого в медиевистике «княжеские зеркала». Но прежде чем перейти к конкретному анализу, сделаем несколько предварительных замечаний о тенденциях в эволюции одного из элементов византийской политической идеологии VI — начала IX в. — представлений о социальной роли императора.

Если проследить за изменениями в наборе императорских добродетелей по «Изложению поучительных глав» Агапита, речам об императорской власти в «Историях» Феофилакта Симокатты, «Повести о Варлааме и Иоасафе», «Хронографии» Феофана, то нетрудно заметить постепенное исчезновение в идеале императора к началу IX в. традиционных характеристик воинских доблестей и интеллектуальных способностей императора; на смену им приходит понимаемое как православие благочестие императора, которое становится конституирующей чертой в облике монарха³. Отметим: утрата идеалом императора интеллектуальных достоинств приходится на период упадка полисной культуры и общего творческого спада⁴. Закономерен вопрос, отразилась ли активизация культурной жизни империи во второй половине IX в., проявившаяся, между прочим, и в создании около 855 г. кесарем Вардой Магнарской школы, на содержании уче-

¹ См., например: *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978, Bd. I, S. 159—162.

² Мы имеем в виду книги: *Hunger H.* Reich der neuen Mitte. Graz; Wien; Köln, 1965, S. 61—107; *Beck H.-G.* Das byzantinische Jahrtausend. München, 1978, S. 46—52, 60—70, 78—108. Отмеченное характерно и для таких работ по истории византийской культуры, как: *Guillou A.* La civilisation byzantine. P., 1974, p. 103—108; *Mango C.* Byzantium. The Empire of New Rome. L., 1980, p. 218—220.

³ *Чичуров И. С.* Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV — начало IX в.) — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1981 год. М., 1983, с. 70—74, 78—79.

⁴ Там же, с. 72.

ний об императорской власти? За ответом обратимся к «Поучительным главам», сохранившимся под именем Василия I и обращенным к его сыну, императору Льву VI ⁵.

Нельзя сказать, чтобы в современной византиноведческой литературе, хотя и не обращавшейся к специальному разбору «Поучительных глав», все же не отмечались черты нового, содержащиеся в этом памятнике. Так, Г. Хунгер указывает на «усиление христианских тенденций» в разделах о вере и почитании священников, во вновь добавленных главах о терпении и смирении, обращает внимание на приближение к политической реальности параграфа о назначении чиновников, предостерегающего от продажи должностей и титулов ⁶. Правда, сомнительна новизна (в конце IX в.!) христианских тенденций, пусть даже усиленных автором. Вместе с тем совет императору воздерживаться от продажи должностей лишь регламентирует его конкретную деятельность, не являясь при этом характеристикой василевса как воплощения государственной власти. Начнем поэтому с таких затронутых в «Поучительных главах» тем, которые относятся к характеристике личности императора.

Первое, что бросается в глаза при анализе «Поучительных глав», — это выдвигание на первый план темы образования. Не с утверждения божественного происхождения императорской власти, чем, по обыкновению, открывались изложения Агапита, Симокатты, Феофана, «Повести о Варлааме и Иоасафе», а с обоснования важности просвещения начинает свои наставления Василий ⁷. Образование, по его словам, «украшает империю и увековечивает память об императорах» (XXI A), к нему следует относиться, как к «предводительствующему государством» (Там же). Образованность воспринимается автором не просто как некое духовное благо, но как явление социальное, общественное звучание которого не ограничивается персоной правящего: «...образование — дело в жизни полезное и важнейшее не только для императоров, но и для частных лиц» (Там же). В соответствии с общественной значимостью образованности и интеллектуальные качества человека становятся предпосылкой социальных связей: разум у всех в почете, да редко встретишь наделенного им; в результате, надо стремиться не только к тому, чтобы разум был присущ тебе самому, но следует стараться денно и ночно общаться с людьми разумными (XXVIII D — XXIX A). И в заботе о «слове истины» у Василия на первый план выдвигается его (т. е. слова) социальная функция: ценить «слово истины», по мысли автора, означает и самому владеть им, и приближать к себе им владеющих; так, наставляет Василий, ты будешь казаться в своих делах и речах надежным и сохранишь расположение к себе поданных (XXXVI B — C).

Возвращение образованности в ряд императорских достоинств, обусловленное возрастанием ее социальной престижности, оправдывает подробность, с которой в «Поучительных главах» трактуется тематика «слова — разума» ⁸. Один из параграфов (64) поучений, озаглавленный «О совершенном разуме», всячески превозносит его могущество: более всего следует заботиться о совершенстве разума, «ибо его посредством земное царство отображает небесный порядок и гармонию»; разум руководит человеческими делами, и «императору не править царственно, если он не упражняет ум практикой»; разум дарует человеку власть над миром (LIII C—D). Слово осознается автором «Поучительных глав» как оружие обоюдоострое:

⁵ Мы используем текст, изданный в: PG, t. 107, XXI—LVI. Далее ссылки на «Поучительные главы» даются в тексте.

⁶ *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur..., S. 161.

⁷ Первому параграфу «Поучительных глав» предпослано название *Περὶ παιδείας*. Одна из заключительных глав памятника (гл. 60), хотя и носит то же название, посвящена скорее проблемам воспитания, как делу общегосударственной важности: недостаточно самому быть добродетельным, но и своих детей надо воспитывать так, чтобы они отображали твою добродетель; растящий хороших детей приносит пользу государству (LII C—D).

⁸ К сожалению, контекст «Поучительных глав» не всегда позволяет с беспорочностью разграничить в греческом *λόγος* два значения: «слово» и «разум».

«Злой язык, если имеет в пособниках человека влиятельного, станет причиной многих бед и для себя, и для тех, кто ему последует. Уста благоговейные, рассуждающие истинно, приносят великую пользу и им внимающим, и их обладателю» (LII D—LIII A). Ценность произнесенного слова относительна: «То, что собираешься сказать, прежде обдумай, дабы язык не опередил рассудок; стыдись говорить беспорядочно»; «говорить надлежит либо то, что ты точно знаешь, либо то, чего от тебя требует момент, а в остальных случаях молчание — лучше речи» (XI A—B)⁹. Очевидное для христианского автора «попечение о божьем слове» (гл. 17) — оно оплодотворяет разум добродетелью, питает душу, делает царствование прекрасным (XXIX B—C) — не выделяется Василием на общем фоне как единственно необходимое и лишь дополняет целостность картины.

Один из аспектов образованности — отношение к книге, и посвящение двух разделов «Поучительных глав» книге (гл. 56 — «Забота о литературе», гл. 66 — «О чтении») лишний раз убеждает в немаловажности этой темы для автора. «Не медли с изучением древних историй, ибо ты без труда найдешь в них то, что другие собирали с трудом» (XLIX C). Ниже та же мысль настойчиво повторяется Василием: «Не ленись изучать изречения древних, в них ты найдешь много полезного» (LXVIA). Василий не удовлетворяется деконкретизованным перечислением всего полезного, что сулит чтение (XLIX C), он дает точный «адрес», где можно обрести наибольшую пользу: в книгах Соломона и Исократа, а также в советах и наставлениях Иисуса Сираха, повествующих о «государственной и императорской доблести» (LXVIA). Конкретизация (сама по себе черта нового) в данном случае важна и как свидетельство нового в трактовке темы образованности: поучающий сына император связывает свои наставления с традицией, осознавая последнюю не обобщенно («мудрость древних»), но в конкретном единстве сочинений античного оратора и библейского предания.

Наконец, влияние образованности, согласно Василию, простирается и на сферу телесного. Нами уже отмечалось, что идеал телесного совершенства в представлениях об императоре не сразу утрачивает силу с распространением христианской идеологии, и, например, у Евсевия еще прослеживается роль физических характеристик в создании образа идеального монарха¹⁰. Спустя более чем столетие после Евсевия церковный историк Созомен, идеализируя воспитание Феодосия II Пульхерией, все еще выдвигал на первое место в воспитании императора занятие верховой ездой и обращение с оружием, подчеркивая при этом также и важность царственного внешнего облика во время шествий, умения правильно подобрать соответствующее ситуации одеяние, чинно ступить и воссесть¹¹. Но постепенно представление о ничтожестве плоти было усвоено христианской эстетикой, так что неудивительно скептическое отношение Василия к телесному совершенству: «Украшай молодость состязаниями не в гимнастике, а в добродетели» (XLVD). Впрочем, даже повторение в конце IX в. давно уже не новой для христианского мировоззрения мысли на фоне предшествующего развития тематики «княжеских зеркал» свидетельствует об эволюции: тема «телесного совершенства», хотя бы в полемическом отвержении ее, не вставала перед авторами VII — начала IX в.¹² Но Василий идет дальше простого воспроизведения уже известной тематики и, что примечательно, там, где речь у него заходит об образованности. В посвященной образованию первой главе трактата утверждается его полезность «и телу, и душе — последней занятиями божественным писанием, первому — упражнениями в мирских делах» (XXI A). О физической силе сказано: «Силу тела чти и признавай, если

⁹ Тезис о зависимости слова от дела (разумеется, не оригинальный) развивается в гл. 16.

¹⁰ Чичуров И. С. Указ. соч., с. 86.

¹¹ Там же, с. 70.

¹² Иначе у Василия, выделяющего эту тему в специальный раздел своих поучений (гл. 53) «О телесной красоте».

она украшена разумом ... сила в сочетании с безрассудством — это дерзость, в сочетании с разумом — мужество» (XXVIII В—С).

Сколь бы высоко ни оценивалась в «Поучительных главах» образованность, как бы ни подчеркивалась ее общественная и государственная значимость, все же центральной темой «княжеских зеркал» оставались вопросы, касающиеся власти императора. Тем самым естественна попытка выявить элементы эволюции в трактовке основной проблематики жанра. Г. Хунгером уже отмечалось, как новое, приближение «Поучительных глав» к политической реальности в разделах о подборе руководящих чиновников и продаже должностей и титулов¹³. Регламентация отношения императора к должностным лицам не оставалась неизменной на протяжении столетий. У Агапита император получал общий совет не привлекать к управлению государством порочных людей, ибо за зло, причиненное ими, несет перед богом ответственность наделивший их властью; выдвижение архонтов на должность следует проводить с большой тщательностью¹⁴. В речах императоров о власти у Симокатты эта тема сводится лишь к заботе василевса о войне¹⁵, что без изменений было заимствовано Феофаном¹⁶.

Отношение императора к должностным лицам, своим советникам и приближенным — одна из наиболее часто затрагиваемых в «Поучительных главах» тем: прямо или косвенно ее касаются около 20 параграфов сочинения. Успех дела, согласно Василию, обеспечивает хороший совет, но советниками надо пользоваться такими, какие принимают правильные решения и хорошо справляются с собственными делами; не следует прибегать к совету людей неопытных и лстящих тебе; советуйся со знатоками и с теми, кто готов порицать тебя за ошибки, «ибо лишь они достойны быть причисленными к друзьям и советникам» (XXIX С—D). Аналогичная тема преподносится Агапитом в самом общем виде (принимай способных дать полезный совет, а не льстецов¹⁷), тогда как Василий развивает ее не только детализацией (обстоятельное перечисление лиц, привлекаемых к совету), но и выделением в специальные разделы двух разрядов социальной верхушки: архонтов и «императорских друзей». О первых у Василия сказано опять-таки подробнее и конкретнее, чем у Агапита: хорош тот император, который назначает архонтов, преследующих несправедливость, кто изучает нравы, характеры, добродетели и образ мыслей своих архонтов, с тем чтобы достоверно знать каждого и соответственно этому определять его в надлежащий чин (XXXVI С—D); в главе об архонтах Василий не столько характеризует начальствующих должностных лиц, сколько выдвигает программу социального согласия, регулирующую императором: «Более всего ты прославишься, если будешь каждому определять свое место — достойным управлять вручишь власть, а с подвластными распорядишься так, что они не будут ни оскорблять архонтов, ни терпеть оскорбления от них» (XLV А—В). Впрочем, социальное согласие, по мысли Василия, не предполагает социального равенства, так как нельзя допускать, чтобы «олени правили львами, а не львы оленями» (Там же)¹⁸.

¹³ *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur..., S. 161.

¹⁴ *Agapetus.* Expositio capitum admonitoriorum.— PG, t. 86, col. 1173 B.

¹⁵ *Theophylacti Simocattae Historiae*/Ed. C. De Boor, P. Wirth. Stuttgart, 1972, 133.13—14.

¹⁶ *Чичуров И. С.* Указ. соч., с. 66. В византиноведческой литературе, впрочем, уже обращалось внимание на одно отступление Феофана от текста оригинала: конкретный совет Симокатты не внимать сикофантам Феофан неожиданно превращает в принцип: «Не принимай стратиота» [см.: ЗРВИ, 17 (1976), с. 4]. Замена сикофанта на стратиота, не внесенная Де Боором в критический текст, подтверждается не только всей рукописной традицией «Хронографии» Феофана, но и латинским переводом Анастасия. Таким образом, принадлежность замены авторскому тексту весьма вероятна. Против этого, на наш взгляд, говорит лишь соседство в изложении Феофана противоречащих друг другу по смыслу фраз: «Помни о стратиоте твоём. Не принимай стратиота». См.: *Theophanis Chronographia*/Rec. C. De Boor. Lipsiae, 1883, v. I, 248.31—249.1.

¹⁷ *Agapetus.* Expositio..., 1172 A; ср.: 1168D.

¹⁸ Нельзя не отметить: «Поучительные главы» содержат и общие советы в духе Ага-

Распределение должностей регламентируется в «Поучительных главах» отношением императора к дарам. Отношение к дарам само по себе — тема не новая. Правда, у Агапита она не связывается с назначением архонтов на должность и трактуется исключительно в смысле императорских благодеяний и благотворительности: «Возлюби... больше тех, кто просит о благодеянии, чем тех, кто преподносит тебе дары»¹⁹. Эта концепция сохраняла силу и в VII — начале IX в. (мы имеем в виду речи императоров у Симокатты и Феофана, в «Повести о Варлааме и Иоасафе») ²⁰. Иначе у Василия: «Чинами награждай безвозмездно и не продавай за дары почестей; получивший власть заслуженно принесет больше пользы подданным; если хочешь изгнать из государства взяточничество, вверяя власть тем, кто... не ищет этого дарами, ведь давший тебе что-то за власть будет стремиться извлечь из нее выгоду... а достигший власти бесплатно не будет обвинен во взяточничестве; тот же, кто обрел власть за плату, никогда не научится делать что-либо без даров» (XLIV A—B).

Также и второй разряд социальной верхушки (категория императорских друзей) рассматривается Василием обстоятельнее и в ином свете, нежели Агапитом. Если Агапит ограничивается скорее этическим идеалом дружбы ²¹, то Василий выделяет друзей императора как некую социальную группу, на которую император должен опираться в своей деятельности. «Поучительные главы» настоятельно рекомендуют василевсу общение с «врачевателями душ», от которых можно узнать, чему прилежать, а от чего — воздерживаться, с какими людьми надо искать встречи, а каких — избегать (XXV A). Впрочем, эти «врачеватели душ» не названы Василием прямо друзьями. Собственно друзьям и дружбе посвящены четыре главы: гл. 12. «О верных друзьях», гл. 23. «О друзьях», гл. 26. «О приобретении [друзей]», гл. 35. «Об [отношении] к друзьям». Первое, что принципиально отличает трактовку темы дружбы Василием от Агапита, — это ее толкование в рамках антиязы «друзья — родственники» (а не «друзья — враги», как у Агапита). «Радуйся радующим о тебе друзьям, как истинным, больше, чем родственникам; дружба по родству от природы, а не от добродетели, тогда как любовь друзей — от добродетели и по свободной воле; закон первой — природа, второй — бог; родственники нередко из-за мелочей злоумышляют против родственников, истинные же друзья, презрев весь мир, не предпочтут любви друзей даже саму жизнь» (XXVIII A—B).

Принципиальным, на наш взгляд, отличием является и внедрение в тематику жанра не прослеживаемой ранее категории императорских родственников ²², пусть они даже и уступают у Василия императорским

пита. Дурных людей должно изгонять из государства и не вверять им власти, иначе покажется, что ты подобен им, а свершенное ими зло будет приписано императору; в архонты надо избирать добродетельных, дабы их добрая слава стала украшением тебе и их добрые дела приписывались тебе, поскольку похвала народа превыше стяжания многих богатств (XXXVI B—C).

¹⁹ *Agapetus. Expositio...*, 1180 A; ср.: 1165 D, 1169 D, 1176 B—C, 1177 B, 1181 C.

²⁰ *Чичуров И. С.* Указ. соч., с. 66, 73—74.

²¹ Истинным другом следует считать того, кто стремится все делать по справедливости, вместе с тобой радуется успеху и огорчается неудачам, а не тех, кто восхваляет каждое твое слово. Лишь первые свидетельствуют об истинной дружбе (*Agapetus. Expositio...*, 1173 C). Одинаково вредно гневаться на злодеяния врагов и поддаться лести друзей; надлежит мужественно противостоять и тому и другому (*Ibid.*, 1173 C). Суд императора должен быть нелицеприятен и одинаков в отношении как друзей, так и врагов; одинаково неразумно оправдывать несправедливого, если он друг, и осуждать справедливого, если он враг (*Ibid.*, 1176 D). Как видим, тема дружбы трактуется у Агапита лишь в рамках равно справедливого отношения императора к своим сторонникам и противникам. В VI — начале IX в. категория «императорских друзей», насколько нам известно по сохранившимся «княжеским зеркалам», вообще не прослеживается. См.: *Чичуров И. С.* Указ. соч., с. 66—68, 73—75, 79.

²² С категорией императорских родственников, разумеется, связана и тема благородства происхождения, затронутая в одном из параграфов «Поучительных глав» (LII A—B), хотя Василий и не убежден в безусловной ценности благородного происхождения, подобно тому как он скептически относится к родственникам. Естественно вспомнить в данной связи, что Василий I был безродным основателем новой династии. Вместе с тем пренебрежение родственниками и знатностью свидетелю-

друзьям. Именно последним Василий уделяет особенное внимание: «Приобретай себе друзей и близких слуг среди тех, кто был хорош к своим друзьям и господам.... кто радел о старых друзьях, тому есть вера, что он будет радеть и о тебе» (XXXIII A). Легче приобрести друга, продолжает Василий, если ты скажешь о нем что-нибудь доброе в его отсутствие, но так, чтобы это могли ему передать; похвала — начало дружбы, порицание — начало вражды, и если ты хочешь сохранить друзей, то хвали их при других в их отсутствие; проверь друзей в нужде и трудностях; истинными друзьями считай тех, кто дружит не ради выгоды, но из одной лишь добродетели дружбы (XXXIII D). Нет ничего сильнее дружбы, утверждается в «Поучительных главах», ничто на свете не заменит истинного друга, надо хранить дружбу во все времена и повсюду; следует быть благодарным к друзьям, ибо у неблагодарных нет друзей (XXXVII D). Нетрудно заметить, что Василий не ограничивается провозглашением ценности дружбы, но останавливается подробно на выяснении ее природы (по сравнению с отношениями родственников), способах приобретения, сохранения и проверки друзей.

Подведем предварительные итоги сказанному. «Поучительные главы» Василия I обнаруживают, по крайней мере, две тенденции, отличающие этот памятник от предшествующих сочинений данного жанра. Первая, обозначенная и формально выдвижением темы в начало «Поучительных глав», — это утверждение социальной и государственной (в смысле важности для главы государства) значимости просвещения, возвращение образованности в ряд императорских достоинств, что, несомненно, связано с активизацией культурной жизни империи во второй половине IX в. Вторая тенденция, отразившая, по всей видимости, изменения в структуре господствующего класса, заключается в выделении «императорских друзей» как особого разряда социальной верхушки, противопоставленного императорским родственникам; при этом и само появление «императорских родичей» в трактате Василия мы склонны рассматривать как новаторство. Напротив, применительно к воинским доблестям императора «Поучительные главы» не привносят изменений в традицию: утраченное в VII — начале IX в. представление об императоре-полководце не возрождается у Василия, упоминающего (в духе евангельского тезиса «блаженны миротворцы») лишь о миротворчестве василевса (XLV B—C).

Повторим, речь идет пока о предварительных результатах постольку, поскольку еще остается неизученной совокупность всех положений «Поучительных глав» в их соотносительности с традицией²³, поскольку сами «Поучительные главы» пока еще не сопоставлены с другими, современными им памятниками (например, юридическими). Да и сравнение с сочинениями, непосредственно продолжавшими традицию в X в. и связанными с именами Льва VI и Константина VII, априори представляется плодотворным. Но это уже дело будущего.

ует, как нам кажется, и о том, что формирование феодальной наследственной знати еще оставалось для Византии конца IX в. делом будущего.

²³ Нельзя не отметить наличие в «Поучительных главах» вполне традиционных разделов (о смирении, гневе, терпении, сострадании, великодушии, скромности и т. п.) в их всецело традиционной трактовке.